

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

ДНЕВНИК НЕУДАЧНИЦЫ. НАЧАЛО ПУТИ

Ольга Мяхар

АГЕНТСТВО МАГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ

ОСОБО ОПАСНАЯ ВЕДЬМА

АНГЕЛ

МУТАНТКА

НЕПОДДАЮЩАЯСЯ

ДНЕВНИК МАГА

НОВАЯ ЖИЗНЬ

А ОБЕЩАЛИ СКАЗКУ...

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

Дневник неудачницы.
Начало пути

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М99

Художники
О. и Е. Юдины

Мяхар О. Л., Ковальская Д. А.

М99 Дневник неудачницы. Начало пути: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 378 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1027-9

«— Последний раз спрашиваю. — Крыса встала на задние лапы, уперлась плечом в стену и зло сощурила глаза. — Ты невинна?

— Нет, — мрачно.

— Отлично. Хочешь изменить свою жизнь?

— Мечтаю.

— Не язви. Я серьезно. Могу изменить все, раз и навсегда. Считай... что я твой ангел-хранитель».

Хотите знать, что было дальше? Тогда устраивайтесь поудобнее и читайте удивительную историю, которую вам поведаст разумная версия дневника фирмы «Ведьмак и Ко».

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1027-9

© Мяхар О. Л., Ковальская Д. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Воскресенье

22:15

Глупо уже начинать вести дневник. В сотый раз, наверное. Ну да ладно. Так грустно и скучно, что хоть чем-то себя займу. Сначала поною.

Меня зовут Сиггун, что в переводе означает «любящая побеждать». Родители увлекались в свое время... вот и нарекли дочурку. Друзья зовут просто Сиг. Не очень звучно, зато коротко.

Собственно, нытье... Непривычно как-то выкладывать проблемы на бумаге. Но Санька сказал, что это стопудово поможет, так что попытаюсь. Перечислю. Да, лучше все перечислить. Определенно. Итак:

1. Я некрасивая. И не надо говорить, что все женщины это говорят. Я в этом уверена. Знаете ли, когда каждый день видишь себя в зеркале, поневоле задумаешься. Нет, я не урод, не подумайте. Так, среднестатистическая внешность среднестатистической девчонки. Мышиного цвета волосы, слишком пухлые губы, чуть кривой нос... Пожалуй, единственное, что мне в себе точно нравится, — это глаза — серые, со стальным отливом, они так и напрашиваются на балладу о воинах... Далее.

2. Безработная. Ну нельзя же назвать работу школьной лаборантки достойной именоваться гордым званием профессия. Периодически подрабатываю то тут, то там, но нигде толком не задерживаюсь, так как... Но это уже пункт три.

3. Невезучая. Причем в максимальной степени. И тут уже хочется особо остановиться, отпить из кружки горячего чаю, сунуть в рот шоколадку и... продолжить. Мое невезение особого свойства, оно преследует меня с детства. Мне никогда не

везло в игры, в карты, в учебе. Просыпалась я не с теми мужиками, дружила не с теми людьми и, давая в долг, никогда больше не видела тех денег. Вы скажете — фигня! Выше нос! Пессимизм — это хреново, оптимизм — наше все! Угу. Спасибо, плавали, знаем.

А что вы скажете на это:

а) Я всегда опаздываю на автобусы, маршрутки, поезда и прочее. Даже если и прихожу вовремя, они уходят без меня — не могу втиснуться, а если и удается сесть, — попадают в аварию. Помню, как-то едва успела на самолет, так у него прямо в воздухе кончилось топливо, слава господу, экстренно сели, чуть ли не в джунглях, и я пропустила свадьбу двоюродной сестры, которая до сих пор на меня дуется... А «скорая»! Как-то лежу я вся такая несчастная с приступом аппендицита. Врачи суеются, мигалка ревет, машины расступаются, и... хрясь! Пробило три колеса из четырех. Мрак. Меня довозили на трех машинах, ломавшихся одна за другой. А все потому, что мне ну очень срочно надо было в больницу. Трагическое стечение обстоятельств, скажете? Ладно. А как вам это:

б) Ни на одной работе я не задерживаюсь дольше испытательного срока. Да-да, я понимаю. Жизнь такая. Столица — жестокий город, не надо щелкать клювом и уходить в себя. Но... даже получив «ответственную» должность полоторки в одном из банков и сумев отдраить оба этажа всего за полдня... я не приглянулась охране! Сказали: морда больно хитрая, не иначе как замышляет ограбить банк... Ведь нормальный человек так стараться за шесть тысяч рублей в месяц не будет. Идиоты! Нормальный — нет, но я-то другое дело. И вообще, как они это представляют — я проникаю в хранилище и, воровато сунув деньги в помойное ведро, покидаю банк? Н-да. Но факт остается фактом. Ни продавщицей (сломала морозильник), ни рабочим склада (обвалила стеллаж с вазами... там было до хрена ваз), ни актрисой, на которую училась шесть лет (не хочу вспоминать, это было ужасно), я продержаться дольше месяца не могла. И если это не невезение, тогда уж я не знаю что.

в) Да, и еще... Мне тотально не везет с мужиками. Каждый донжуан, которого я отлавливаю, или пытается учить меня жизни, или оказывается алкоголиком. Но чаще у меня прут из квартиры последнее, сматываясь уже после первой ночи «не-

земной любви»... У меня комплексы на этой почве. Может, я парней не там ищу?

Короче, вы всё поняли. Жизнь моя беспросветна и уныла. Я даже к бабкам ходила. К специальным. Отдала последнее, чтобы только избавили от проклятия. Три из них при виде меня перекрестились и захлопнули дверь. Еще две долго чего-то там химичили над шариком, бубня себя под нос. В итоге — выдали мне какие-то мази и пару свечей с нистатином, окрашенных в черный цвет. Уверяли, что поможет. Я их же им же там чуть и не вставила. Последняя, правда, вменяемая оказалась. Долго так на меня смотрела, сидя на кухне и поедая принесенные мной конфеты. После чего просветила, что проклятие есть, но снять его нельзя, ибо оно материнское. На мой ошалевший взгляд и писк: «Мама меня любила» — бабка добавила, что и не проклятие вовсе, а благословение. Типа судьба ведет меня по нужному руслу, и будет мне в конце великое счастье. А пока во мне воспитывают это, как его... силу воли. И характер. Ну заодно подстраивают обстоятельства так, чтобы я в день Икс оказалась в месте N и нашла свое великое счастье. Я почесала в затылке, заплатила тысячу и смылась подобру-поздорову. Не знаю, права она или нет, но на душе стало чуть легче, и к неприятностям я с тех пор относилась стоически и с юморком.

23:36

Чай попила... телевизор поглядела. Показывали какой-то фильм, но на самом интересном месте его прервали. Педро как раз со слезами на глазах пытался признаться помиравшей Марии в любви. Та, несмотря на жуткую боль от сорока огнестрельных ранений, обняла парня и начала петь об ответных чувствах, — редкое мужество или у девочки мозги поехали, не выдержав жестокостей сценария? Я не поленилась и полезла на крышу — узнать, в чем проблема. Благо живу как раз на последнем — пятом этаже. Ну и... все, хана антенне. Ее снесло сбитым ураганом деревом. Естественно, оказавшимся единственным настолько высоким деревом на всю округу. Теперь придется какое-то время пожить без телевизора. Обидно. А что делать?

Ладно. Я — спать. Вроде поныла достаточно. Внутри по-

легчало. Да и... на работу рано вставать. Даже будучи школьной лаборанткой, я работаю на другом конце города. Мрак... Но хватит о грустном. Спокойной ночи самой лучшей в мире мне...

А еще я туалеты мою. Не хотела писать, но чего уж там. Вряд ли кто еще это прочтет. По ночам... в школе. Круто, да? Днем стесняюсь, а ночью можно. А что, удобно! Еще и охраной можно подрабатывать: по понедельникам, средам и пятницам. На печенье хватает. На одежду нет. Все. Бай.

Понедельник

02:12

Сижу в туалете и драю его.
Терпеть не могу это больше всего.
Мне хочется есть, очень хочется спать.
Но, стиснув зубы, я не буду рыдать.

А ничего так стихи получились. Цепляют... Могла бы и по этому стать. А что? Только лень — великое дело в наше время.

Так. Надо описать события сегодняшнего дня. Ну... я встала, увидела, что проспала, и вылетела без завтрака и зонтика. На улице, понятно, лил дождь. С моим-то везением. На автобус я опоздала, маршрутка окатила водой из лужи, залив по самую шею, еще и молния ударила в рядом стоящий дуб. Мокрая, взвинченная и злая до школы я добежала в рекордные сроки, преодолев пять километров нашего небольшого городка, кстати, расположенного рядом со столицей. Не опоздала! Что показательно. Но эксперименты не клеились, химик при виде меня взвизгнул — я влетела в кабинет без стука, врезав по двери ногой, и с мокрыми, упавшими на лицо волосами... — так что его можно понять. А еще заходил директор и спросил: «Кто этот бомж?» — глядя на меня. Все еще немного бледный химик объяснял, что я — это я. Я как раз смогла снять грязный плащ и убрать с лица шевелюру. Протянутую руку директор почему-то не пожал. Ну и не очень-то и надо.

Я еще не надоела своим нытьем? Впрочем, неважно. Надо писать все! Только тогда стану ярим оптимистом и на хрен изменю всю свою жизнь.

У меня, кстати, послезавтра собеседование на должность помощника заместителя главного бухгалтера... Не спрашивайте, сама в шоке.

Ну а сейчас я сижу в подсобке, пью отдающий пластмассой чай и грею ноги у старенького обогревателя. Все вычистила, в школе спокойно. Можно и поспать... если бы живот еще так не бурчал. Через полчаса пойду на обход коридоров.

Да и еще... странный какой-то этот дневник. Я его нашла в старом бабушкином шкафу, вроде старинный какой-то, обложка — словно из кожи. Да, и... такое ощущение, словно некоторые записи он делает сам. Без меня. Пару предложений, которые писала вчера, — я в упор не узнаю. Не знаю, может, это банальный недосып. Я в последнее время сильно устаю и очень мало ем. Надо расслабиться и отдохнуть как-нибудь. Тогда и эти глупости из головы повыдует.

Посплю-ка я полчаса...

07:30

Н-да... полчаса-полчаса. Надеюсь, школа цела и хулиганы именно сегодня нас не навещали. Где мой плащ, вашу маха?!

09:21

Готовлю реактивы, зевая и мечтая умыться. Зубы бы почистить... Химик все бубнит, намекая на мою невнимательность и собственные нервы. Да-да. Я поняла. Синюю — в красную, желтую — в зеленую. И нагреть. До пятидесяти шести градусов... Как спать-то хочется!

09:25

Синюю все-таки в зеленую надо было. Вонь стоит такая, что ученики высунулись в окно. Мне угрожают потерей работы и линчеванием на ближайшем педсовете. Зажимаю нос рукой, кашляя и глотая слезы. Я поняла. Угу. А вы найдите еще идиота, который будет за такие копейки здесь работать, тогда и линчуйте. Главное — не сказать это в лицо. И не ржать! Чего я смешала-то хоть? Улыбка так и лезет на лицо.

11:34

Я изобрела новый вид наркотика. Ржут все, кто проходит мимо лаборантской. Химик счастлив и простил мне сразу все. Курю в коридоре, пока народ «дезинфицирует» школу. В окно видно, как счастливые дети срочно покидают здание, досрочно отпущенные с уроков. Ну хоть кому-то везет.

15:43

Тупо изучаю дневник. Строчки появляются сами по себе... а я ничего сегодня не писала. Какого хрена, мать вашу?!

21:12

Я дома. Изучаю бабушкины записи. Дневник лежит в кухне на столе. Курю пятую сигарету за последние полчаса, очень хочется выпить. Я схожу с ума? А чего так сразу вдруг? Не хочу в дурку.

22:10

Нашла в шкафу записку от бабушки в стиле: краткость — сестра таланта: «Дорогая внучка. Завещаю тебе все свое имущество и «волшебный дневник». Он принесет тебе счастье, как когда-то принес мне. Я сама его зачаровала так, чтобы он записывал мысли своего хозяина. Не бойся. Помнишь, как мы духов вызывали? Ты же хотела стать волшебницей. Целую, твоя бабуля».

Ну... ммм... как духов вызывали — помню. Как тушили после этого кухню — тоже.

Глотаю водку прямо из бутылки, сидя на покосившейся табуретке и косясь на дневник. Тот продолжает писать даже сейчас, зараза мелкая. Может, его сжечь? Не люблю все эти фокусы и магию. С детства.

23:56

Он не горит, не тонет, не выкидывается, ибо сам возвращается назад, и еще — его нельзя порвать.

Прелестно. Пьяная и недовольная, иду спать. Кроватка... Хорошо, когда есть дом и кроватка.

Всем бай.

Вторник

15:24

Стою в дверях магазина с объявлением «Распродажа» на витрине, сжимая в кулаке последнюю тысячу. Мне позарез нужна куртка, ибо плащ не пережил той лужи. Хищно оглядываюсь по сторонам. Итак... приступим!

16:09

Я ее нашла! Я нашла!

Йес!

Теплая серая курточка, с капюшоном и... браком. Мне снизили цену до тысячи и позволили ее купить. Все еще не веря удаче, с гордостью выхожу на улицу, сжимая пакет в руке. Солнце на улице... А может, прав Сашка и все невезение из-за моего настроения? А на самом деле...

16:34

На самом деле куртка принадлежала одной из покупательниц, забывшей ее в магазине, а ушлый продавец, не найдя ценника, — продал мне ее за тысячу... И если бы я не стала разглядывать ее на пороге магазина, радуясь обновке, — ее бы у меня не отобрали.

Полчаса выбивала деньги у продавца, стуча кулаком по прилавку и требуя справедливости. Девушка стояла рядом. Умоляя отдать куртку. Сначала деньги!

Деньги вернули, куртку отняли, а меня выставили из «бутика», душевно попросив больше не возвращаться. Я ответила, куда конкретно они могут пойти — магазин, продавцы и вся линия одежды... А вообще, страшно обидно. Ходить-то не в чем.

17:09

Ладно. Спокойно. Что я все ною да ною? Вообще с рождения у меня не такой уж вредный характер. Нет, не так. Характер у меня страшно вредный, но при этом веселый и жизнестойкий, что ли. На любую неприятность я отвечу прищуром серых глаз и усмешкой, которая способна насторожить даже матерого волка. Я никогда не сдаюсь и не унываю. Мне это в принципе вредно. Да и дневник в основном решила писать

потому, что хочу потом как-нибудь сесть, лет этак в восемьдесят — девяносто, перечитать и посмеяться. Сидеть я, понятно дело, буду у окна в скрипучем кресле-качалке, вокруг будут резвиться внуки и внучки, дергающие бабушку за плед и с открытыми ртами ожидающие продолжения истории. Вот такие у меня планы. А пока...

А пока я сижу в канализационном люке, со сломанным каблуком, с парой синяков на пояснице и вывихнутыми пальцами правой руки (за крышку цеплялась, стараясь удержаться на поверхности). Н-да-а... и теперь жду, когда меня спасут, ибо сама я выберусь вряд ли. Тут еще и пары-тройки ступенек нет тоже из-за меня — сшибла, пока падала.

Так... описываю окружающее пространство. Темно. Влажно. Воняет... сверху падают лучи заходящего солнца и ездят машины. Пробовала орать, но меня, понятно, никто не услышал. А сорвать голос как-то не хочется. Вправо и влево отходят длинные туннели в неизвестность. Бродить по ним страшно не хочется, но придется, если меня здесь так никто и не найдет. А еще... еще у меня в сумке есть бутерброд, сосиска и пакетик сока. И я нагло жую бутерброд. А что делать — кушать-то хочется, да и успокаивает это как-то.

17:32

Я замерзла. Дневник что-то пишет самопроявляющимися чернилами. С интересом наблюдаю за процессом, открыв на пустых страницах. Бабушка... вот именно сейчас мне почему-то не страшно. Даже если я сошла с ума и лежу в палате номер ...дцать — все равно не страшно. Помню, бабуля была гораздо на выдумки. Каждую пятницу, сидя на кухне, она доставала старинную книгу заклинаний, расставляла везде оплывшие огарки свечей, зажигала их и готовила очередное волшебное зелье, которое должно было чуток изменить реальность на более сказочную. Мелкая сикозязвка в моем лице ей в этом активно помогала. Нам никто не мешал, так как родители пропали, еще когда мне было три года. С тех пор я их не видела и помню смутно. Бабуля обещала, что однажды они вернутся. Я больше в это не верю.

Не суть. Интересно то, что в ходе всех этих манипуляций у нас и впрямь что-то выходило. То светлячки роем влетали в

окно и рассаживались по стенам, перемигиваясь огоньками, то ложка с вилкой начинали ходить по столу, оглядываясь и прижимаясь друг к другу. А однажды... однажды я принесла мертвого воробья и со слезами на глазах попросила его оживить. Бабуля долго отнекивалась, но мой трясущийся подбородок и зареванный вид мог разжалобить кого угодно. И мы совершили ритуал. Нарисовали пентаграмму, долго что-то бубнили, взявшись за руки. И минут через пять птичка зашевелилась, поднялась, громко чирикнула и вылетела в окно...

Сейчас я взрослая и в чудеса не верю. Наверняка тогда птичка не умерла, а просто потеряла сознание, светлячков привлек запах бабушкиных пирогов, между делом готовящихся в духовке, а вилка и ложка... магниты? Наверняка была хитрая система магнитов под столом.

Только вот... дневник упорно пишет эти строчки прямо перед моим носом. И как бы я ни отрицала все чудеса разом — не собирается останавливаться. Н-да, бабуля. А может, ты и впрямь была немножко волшебницей? Или ведьмой, как любили тебя называть окрестные кумушки. Не знаю. Но получается, что с твоей смертью дар перешел мне, и ведьма теперь я. Может, потому и сыплются на меня неприятности — сила не знает, куда себя деть, и бесится, устраивая мне приключения...

Неважно. Ой, кто-то идет!

18:10

Я замерзла. Охрипла. Телефон забыт дома, да и звонить мне особо некому. Гадство.

18:32

Пыталась забраться наверх самостоятельно. Упала и ушибла ногу... Помогите! Ну хоть кто-нибудь!

19:01

Темнеет. Развлекаю себя тем, что мысленно представляю собственное будущее. Лет так через пять... в этот люк заглянут, увидят вцепившийся в ступени скелет с отвисшей челюстью и... и похоронят с почестями, написав на надгробном камне: «Житель канализации, так и не выбравшийся на свет». А что? Будет круто.

Реву. И чего я реву? Ну когда же это все закончится! Я не хочу больше быть одна! Если есть это дурацкое волшебство, так пусть наконец сделает хоть что-то полезное! Пусть найдет кого-то... для меня.

20:17

Крыса. Здесь есть крысы. Мой визг потряс ее до глубины души. Пытаюсь встать, но скрюченные от долгого сидения на корточках ноги упорно не разгибаются.

20:22

А она не уходит... чует мою погибель! Небось и товарок приведет, дабы отведали свежего мяса. Хо-хо.

А вообще — защищаться буду до последнего. Я даже сумочку приготовила на манер метательного снаряда. А там у меня еще и консервы, купленные на вечер. Так что если что — мало не покажется.

О! У меня есть консервы и нож? Мням.

21:43

Смотрим с крысой друг на друга. Я ей тоже рыбки дала. Она съела. Что бы еще такого... придумать. Сказку ей, что ли, рассказать?

— Ты невинна?

— Мама!!!

22:14

Она говорит! Она говорит!!!

Это шиза, у меня съехала крыша, я все-таки сбрендил! В данный момент убиваю крысу сумкой, вопя, чтобы та свалила. Грызун неплохо уворачивается, сверкая красными глазками и шипя на сумку. Крысы шипят? Эта шипит.

— А ну стой!

Застываю, тяжело дыша и сжимая сумку в поднятой руке.

— Негоже ведьме так орать!

— Сам такой.

— Еще раз. Ты невинна?

— Я невиновна, — хриплым голосом, который все же сорвала, пытаясь докричаться до поверхности.

— Не доводи меня, Сиггун. Ты невинна?

Внезапно я успокоилась. Самопишущий дневник, канализация, говорящая крыса, знающая мое имя. Либо я слишком сильно ударила голову, либо все же сбрендил, вдохнув новый вид веселящего газа в школе, либо... я ведьма. Последнее — столь маловероятно, что и думать не хочется. Ладно. Все в жизни надо принимать спокойно. Да и пугаться нет сил.

— Последний раз спрашиваю. — Крыса встала на задние лапы, уперлась плечом в стену и зло сощурила глаза. — Ты невинна?

— Нет, — мрачно.

— Отлично. Хочешь изменить свою жизнь?

— Мечтаю.

— Не язви. Я серьезно. Могу изменить все, раз и навсегда. Считай... что я твой ангел-хранитель.

С ужасом рассматриваю личного ангела. То-то я смотрю, жизнь как-то не задалась.

— Короче, ты читала «Алису в стране чудес»?

— Да.

— Пойдешь за мной, как за белым кроликом, — приведу в другой мир. И будет тебе счастье.

— Спасибо.

— Это значит «да»?

— Это значит: пошел на...

— Хм. А если еще и мелкого подарю?

— Мелкого? — осторожно садясь обратно и доставая сигареты.

— По-вашему — эльфа. Маленького, с крылышками и советами. Будет всегда с тобой рядом и избавит от одиночества, которое ты так ненавидишь.

— А чего это он будет рядом?

— А ты не знаешь, что эльфы питаются кровью хозяев?

— Хозяев? Эльфы — кровью? А как же фрукты, овощи? Они вроде вегетарианцы?

— Так... Ты хоть какое-то образование получила? Тоже мне ведьма. Ни черта не знаешь. — Крыса сплюнула на пол, поразив меня до глубины души. — Дай прикурить.

Молча протягиваю сигарету, стараясь забить внутрь голос разума. Затянувшись, грызун успокоился и более-менее вменяемо объяснил:

— Кровные эльфы создаются из крови ведьм. Потом ею же и питаются, плюс творят мелкое волшебство. Если должным образом воспитать — могут стать неплохими шпионами. Ты меня слушаешь?

— Да, — отвлекаясь от хвоста, который просто гипнотически подергивался.

— Так. Еще раз. Хочешь изменить свою жизнь?

— Да.

— А друга?

— Да.

— Любовь до гроба?

— Да. — Все увереннее и увереннее. На крысу я уже смотрела с надеждой, близкой к отчаянию.

— Отлично. Значит, тебе со мной. Пошли.

И крыс, затаившись в последний раз, шелчком отбросил окурок в сторону и, развернувшись, побрел вниз по туннелю, не дожидаясь меня.

Смотрю наверх. Свет погас, сменившись ночью. Высоко-высоко мерцают редкие звезды, и тихо шуршат шины проезжающих мимо машин. Медленно встаю, морщусь от боли и покалывания в ногах и, упираясь рукой в склизкую стену, иду по туннелю вслед за крысой. И вы можете хоть сотню раз назвать меня дурой. Мне все равно. Сейчас, наверное, я поверю даже в Санта-Клауса.

Среда

02:31

Вы когда-нибудь мечтали, сидя ночью на подоконнике, потягивая горячий чай и задумчиво щурясь на свет фонаря? Ветви деревьев царапают окно, черный кот задумчиво проходит мимо по улице. А на душе спокойно, тихо... И мечты, оживающие перед глазами. Мечты о принцах, драконах, славных подвигах и любви до гроба... хрустального. Мечты о воздушных замках и великом богатстве. Мечты о том самом мужчине, женщине или, на худой конец, собаке. Мечтали ведь, не спорьте. По крайней мере, у меня в последнее время это стало почти ритуалом. Когда серые противные будни заканчиваются. Когда нервы хоть немного приходят в порядок,

а в письменном столе спрятана небольшая шоколадка, садишься, прижимаясь виском к холодному стеклу, и мечтаешь, стараясь не плакать и улыбаясь уходящему дню.

К чему все это? Да, блин, мечты сбываются! И если бы меня заранее предупредили — как, я бы снесла подоконник, перешла на кофе и вкалывала по-черному. А то принцы, драконы и прочие сказочные чудики только на страницах книг такие милые и славные. В жизни это жуть крошечная, а главная героиня постоянно рискует свернуть шею, нарваться на ор любимого или быть сожженной заживо рептилией. Вам весело? Отлично! Айда за мной!

Я вот уже часа три как бреду по колена в нечистотах, зажимая грязной рукой нос и матеряюсь сквозь зубы. Что-то бегают по стенам, крыс плывет впереди, стараясь не зачерпнуть «это» ртом. Да еще и капает, а впереди шумит сток. Это ска-а-зочно «приятно». Это просто сказочно! Не знаю, когда там начнутся чудеса и приключения, но я теперь точно знаю, чего хочу. Домой. Крысу я это уже сообщила раз сто, не меньше, в разных формах и звуковой тональности. Тот молчит, чтобы не нахлебаться.

02:35

Я навернулась. — Без комментариев!
Ненавижу сказки.

03:15

— Кры-ыс... кры-ы-ы-ыс!!!
— Чего? — вылезая на каменный бордюру и поворачиваясь ко мне. Вид у него был тот еще.
— ...Я домой, — сквозь слезы и сопли. — Можно?
— Можно. Выход там.
Мне ткнули лапкой куда-то за спину.
— Там — это где? — Вся в страшных предчувствиях.
— Где спустилась, там и выйдешь. Хочешь — возвращайся. Ты меня уже достала, если честно. Все. Пока.
Холод скользнул по ногам и взобрался на макушку. Обращиваюсь, глядя вслед убегающему проводнику.
— Я передумала! — рванув к бордюру и оскальзываясь на склизком дне.
Крыс, зараза, побежал дальше.

03:56

Я вот что думаю... Не так уж и плохо было наверху. А что? Квартира есть, работа какая-никакая есть, на жизнь хватало. На одежду — не очень, но это явно был не повод, чтобы так глубоко уходить в депресняк.

Зато сейчас я без дома, без работы и сижу в канализации — мокрая, грязная, вонючая, замерзшая и страшно одинокая. И ведь ныла... страдала... дура!

А знаете, если я когда-нибудь отсюда выберусь, вот клянусь, что никогда в жизни больше не буду ныть! Не буду бояться, буду улыбаться, чего бы мне это ни стоило, и идти напролом. Я... я домой хочу. Очень. В душ. Горячий. И булочку, и кровать с пледом, и родной подоконник. Э-эх!

Домой бы... Мама.

04:32

— Спишь?

Сонно смотрю на что-то шевелящееся прямо перед носом. Крыса. Взвизгнув, вскочила, стряхнув это что-то в воду. Булькнув, существо скрылось под водой.

04:33

Он утоп. Крыс утоп! Мама, мамочка. Мне что, лезть за ним?!

Да что ж такое!

04:35

Я его нашла!

Вытащила... Не дышит. Это чего... искусственное дыхание делать? Гадость какая! Так. Без паники. В сумке был шарик! Точно. Вот он. В пакете был, не намок. Отлично.

04:37

Надув шарик, вставила конец в пасть крысу, сжала мокрые челюсти и отпустила зажим. Шарик сдулся — крыс надулся, причем резко так. Пузико стало круглым, а глаза выпучились. Это значит, что он пришел в себя?

04:39

Кашляющий крыс стоит на карачках и силится выговорить — что он со мной сделает, если еще хоть раз...

Убираю шарик в сумку, внутренне ликуя. У меня снова есть проводник, и, значит, появились хорошие шансы выйти отсюда на свет белый. Я его теперь ни за что не отпущу. Скорее слохну.

05:23

Идем по туннелю. Крыс молчит. Я молчу. Ну хоть не булькает вокруг, и запах вполне ничего себе, особенно по сравнению с тем, что было.

— Привал.

— А? — удивленно смотрю на проводника.

— Ты последние минут десять идешь по стенке, прижимаюсь к ней, можно сказать, сроднилась со стеной. Привал.

— А.

Съезжаю вниз и благодарно улыбаюсь.

— Давай руку.

Недоверчиво смотрю на грязного крыса, севшего рядом со мной.

— Зачем?

— Сделаю эльфа. Обещал ведь.

— А.

У меня как-то слова закончились. Голова кружится и спать хочется. Молча протягиваю руку. Ее сильно кусают. Бли-ин! Кстати, крысы — разносчики заразы.

— Терпи.

Киваю, сжимая зубы. Кровь двумя ручейками стекает на пол.

Крыс начинает что-то чертить, окуная коготь в красную лужицу и расчистив пол хвостом. Устало за ним наблюдаю.

— А он будет большой?

— Кто?

— Эльф.

Мне бы на ручки... Вот появилось бы что-то высокое, сильное, блондинистое и по уши влюбленное. Как поднимет на руки, как вопьется в губы мои алые...

— Ты не могла бы думать потише? Сбиваешь.

— А?

— Я читаю мысли, не ясно? Да и то, что ты представила, — не эльф, а паладин. А у них обет безбрачия и мысли только о войне. Кстати, ведьм они размазывают по стене, после чего сжигают останки.

Хмуро представляю все того же блондина, со зверским оскалом бегущего со мной на руках к стене. Мне говорят, что вмажемся вместе и погибнем в один день. Крыс закашлялся, подергиваясь от смеха.

Обиженно отворачиваюсь. Тоже мне великий знаток чувств.

— Готово. Теперь повторяй за мной. Вдоух побрджую аюбпърм...

— А?

— Ты другие звуки знаешь?

— Да.

— Тогда повторяй...

— Я не выговорю.

На меня злобно посмотрели, сверкнув черными глазками. Я поняла, что снова его довела.

— Знаешь... а я тебя выбрал абсолютно правильно! Ему именно такую дуру и надо.

Шипение крыса заставило вздрогнуть, а полыхнувший в зрачках алый огонек реально напугал. Я вдруг вспомнила, что говорящие большие крысы — вряд ли смешные пушистики из дамских романов. Этот еще и колдун к тому же, а я нарываюсь. Надо взять себя в руки...

06:21

Крыс колдует, заставляя повторять тарабарщину. Ломаю язык и не рыпаюсь. Пентаграмма то вспыхивает, то гаснет, причем местами. Мне сказали, что у меня хреновая кровь и отвратительные гены. Предлагаю ему поделиться своей кровушкой. Крыс ответил, что тогда эффект будет жутким и непредсказуемым. Я заинтересовалась.

06:23

У него ничего не выходит, зато я заметила ранку на его хвосте. Пара капель крови упала как раз рядом с линиями моей крови. Незаметно смешиваю алые капли, пока он копается в сумке. Хм... у меня будет суперэльф?

6:28

Он сигареты искал, нашел три последние. Курит. Сажу у стены и внимательно за ним наблюдаю, ожидая магии и чувства, насколько мне жалко вот этих трех последних сигарет.

06:32

Пентаграмма вспыхнула разом, причем так ярко, что я чуть не ослепла. Крыс удивленно огляделся и договорил последние слова заклинания. Из центра тут же что-то начало вылезать. Хочется сбежать и не уходить — одновременно.

Полная тишина, потрескивание линий крови и шипение крыса, чтобы я молчала.

06:51

Сидим с ним рядом у стены, докуривая сигаретку. Лица подсвечивает алый свет, а из пентаграммы на нас смотрит «оно».

— Беру свои слова назад. Ты очень сильная колдунья, — задумчиво и с оттенком удивления.

— Спасибо.

Помолчали. Затянулись. У крыса, кстати, классно получается. Дымит через нос, привалившись спиной к стене.

— А у него и должны быть рубиновые глаза?

— Красные. Просто так сверкают. Нет, не должны.

Хмыкаю.

— А какие должны?

— Если бы ты была магом воды — синие, земли — коричневые, воздуха — серые.

— А алые?

— А ты мою кровь, случаем, не добавляла? — подозрительно.

— Нет, — фыркнув.

— Хм... хотя я бы заметил. Алые — цвет крови. А магия крови — древнейшая и сильнейшая. Поздравляю, он тебя сожрет. Если сможет, конечно.

— Чего это?

— Да так. Был бы водным — много б пил, был бы воздушным — собирал бы энергию воздуха. А так... его теперь проще убить, чем прокормить.

Существо в барьере оскалилось, продемонстрировав крохотные клыки, блеснувшие словно иглы.

— Гм.

Раздумываю, чьей конкретно крови эта малявка хочет. Вряд ли жаждет моей. Смотрит он, по крайней мере, на крыса.

Сидим, курим. Интересно, сколько сейчас времени? По-спать бы... Крыс тоже зевнул.

— Хм, кстати, это первый эльф с клыками, когтями и крыльями, распадающимися на иглы.

— Говорить сможет?

— Это не попугай, — наставительно. Перебираясь ко мне на колени.

Ошалело на него смотрю,

— Тут теплее, — недовольно.

— Потерпишь. А-а... ладно. Это... спокойной ночи.

— Ага.

И как-то незаметно я тоже провалилась в сон, соскользнув по стене на жесткий холодный пол.

09:34

Меня безжалостно подняли и попросили выпустить эту заразу или убить. Эльф последний час занимался тем, что вытаскивал из спины иглы и прицельно метал их в крыса. Крыс был ранен в трех местах. Иглы каждый раз возвращались, как бумеранг, и эльф плотоядно слизывал с них кровь.

Изучаю облизывающего иголки эльфа. Крыс спросил — какого хрена стреляют именно в него? Нервно ржу, не зная, что сказать.

Крыс решил, что у меня нервный срыв, и отстал.

09:45

Стою у пентаграммы, глядя на мелкого духа. Размером с ладонь, он сидит в центре и с интересом изучает меня. Вздыхнув, стираю носком линию пентаграммы. Эльф тут же исчез, а ногу обдало ветром.

За спиной раздался вопль ужаса.

11:23

Идем по туннелю. Эльф сидит у меня на руках и кусает палец. Едва эта мелочь попробовала мою кровь — тут же отстала

от крыса. Грызун хрипло матерится, хромает и вспоминает какого-то некроманта «добрым словом». Некромант должен ответить за все и сразу, после чего сдохнуть самой мучительной и жуткой смертью. А ничего себе выражается, надо запомнить парочку высказываний для потомков, так сказать...

13:34

Сказал, что мы дошли, ткнул лапой вверх и велел подниматься по скобам, впаянным в стену. Молча лезу следом, морщась от боли в распухшем пальце. Эльф сыто посапывает на макушке, царапаясь коготками и крыльями.

Крылья у него, кстати, словно металлические какие-то... Ему идет.

Яркий свет. Чужой голос, вихри перед глазами и... тяжелый, чугунный удар по голове.

Темно. Тихо. Наконец-то никуда не надо идти.

Часть первая ЗНАКОМСТВО

День неизвестен. Время неизвестно. Мир неизвестен.
Идет перенастройка дневника. Пожалуйста, подождите.

...

Перенастройка закончена.

Спасибо, что пользуетесь дневниками фирмы «Ведьмак и Ко». «Ведьмак» — всегда на страже спокойствия ведьм.

Средница

08:31

Что-то мне нехорошо... бли-ин, как голова-то болит. Медленно открыть правый глаз, еще более медленно левый.

Кто гудит? А! О!

Рядом со мной стоит кто-то в черном балахоне, капюшон скрывает лицо, в руке нож. Я, кстати, привязана, точнее, прикована к какой-то каменюке посреди большой комнаты, отделанной деревом.

Нож держат над головой, бормоча что-то себе под нос. Мне... точно будет больно.

— В сердце целься. Промажешь.

Поворачиваю голову и вижу сидящего на спинке стула крыса. Стул скрипит, мужик бубнит, из окна дует.

— Заткнись. В живот надо. В книге четко написано: «В живот невинной девы».

— Я страшно не невинна! — хриплю, пытаюсь приподняться на локтях. — У меня были толпы мужиков, и я всю жизнь бегала за армией!

Нож замер. Капюшон мрачно повернулся к крысу.

— А что я? Ты просил ведьму? Это ведьма. Получи и распишись.

— А невинность!!!

Что ж так орать?

— Я не сказал, что доставлю девушку. Сказал, что ведьму.

— Ты кивнул! Бес!

— И что? Не ори, пожалуйста, что-нибудь отвалится.

Мужик, шатаясь, добрал до кресла и рухнул в него. При этом отвалилась рука, выпав из рукава и покотившись по полу. Круглыми глазами на нее смотрю. Сердце рвануло куда-то вбок и рухнуло вниз. А так бывает?

— Вот. Уже руки падают. Давно зелье пил?

— Неделю как.

— «Неделю как...» — передразнил крыс и спрыгнул на пол. Руку взяли, подтащили к стулу и вопросительно посмотрели на капюшон. Тот вздохнул.

— Это ведь месть, да?

— А нечего было меня заставлять задарма работать. Насильно вызвал, контракт подписать заставил. Теперь сам и выкручивайся. А я свободен. Дурень! — Крыс усмехнулся, взмахнул хвостом и исчез. Вместе с рукой.

— Эй!

Но мага уже никто не слышал.

— Вот ведь зараза мелкая. Руку отдай!

В комнате раздался противный хохот, и появилось маленькое облачко дыма. Принюхавшись, я опознала свои сигареты, которые этот гад спер.

Смотрим с «капюшоном» друг на друга. Стараюсь не шевелиться и не греметь цепями.

— Может, тебя все-таки убить? — с надеждой уточнил мужик. — Хлопот меньше, да и визгу не будет.

— Я готовить умею. — Пытаюсь улыбнуться и не трястись.

— Ну это мне необязательно. Я не ем.

— Убраться могу!

— Потерплю.

Кинжал подняли с пола и снова пошли ко мне. А у меня вся жизнь перед глазами замелькала. И так вдруг умирать расхотелось, хоть вой.

— Шить! Могу шить, стирать, гладить, убирать, готовить зелья, мыть полы, петь, читать, стонать...

Капюшон остановился, прислушиваясь. Я изо всех сил улыбалась, решив не сдаваться до конца.

— ...танцевать, летать, писать, считать...

— Ладно. Хватит. Эх! Вечно страдаю из-за своей доброты.

Оставшаяся рука с внушительными огрызками ногтей сделала какой-то странный пасс. В итоге цепи, звякнув, раскрылись, и я поняла, что свободна. Мужик же стянул с головы капюшон, и появился худощавый высокий маг с черными глазами, волосами и синим, покрытым трупными пятнами лицом. Нос был свернут чуть налево, ухо оттопырилось и опухло, справа в волосах сияла широкая плешь.

— А вы...

— Некромант. Не видно?

— Видно. — Я сейчас со всем согласна, лишь бы не убили.

— Ладно. Раз ведьма, будешь помогать с зельями... ну и помоешь, ототрешь и так далее. За зомби опять же глаз да глаз нужен.

Меня разглядывали без тени радости и с явной мукой на лице.

— Не любите женщин? — тихо.

— Таких — нет. Ты себя в зеркале видела?

Еще один. Мне что, все, что ли, будут рассказывать о моей... ой.

В углу как раз стояло пыльное зеркало, в котором отразилось нечто грязное, включенное, с опухшей правой половиной лица, в обрывках того, что еще утром называлось гордым словом «одежда».

— А не фиг было меня по голове бить.

— А не фиг на голове эльфов таскать, еще и кровных.

Какой у него голос противный. Хмуро смотрю исподлобья, почесывая синяк на ноге.

— Ну и? Где он?

— Кто?

— Эльф.

— Вон в банке сидит. Будешь слушаться — выпущу. Наверное. А нет — там и сдохнет. — С этими словами мужик развернулся, стряхнул с плеча еще один клочок волос и гордо вы-

шел, шандарахнув дверью так, что посыпалась побелка с потолка.

Молча смотрю ему вслед.

Так. Из канализации выбралась. Это плюс. Познакомилась с озлобленным трупом — явный минус. Плюс труп теперь еще и мой шеф. Ну что ж, я обещала не сдаваться и не унывать. Вот и не подумая унывать.

09:15

Полчаса выковыривала беснующегося эльфа из трехлитровой банки. Он там метался словно угорелый и так пищал, что уши вянут. Открыть не смогла, разбить не получилось. Зато среди откровенного хлама и всеобщего бардака, накиданного повсеместно, нашла старый талмуд с надписью «Магия». Открыла, полистала. Нашла что-то про банки и попробовала прочитать пару строк.

Ну... эльф теперь свободен. А вот алтарем прошибло стену и кого-то убило внизу. Выглядываю через пролом и напряженно изучаю дергающиеся конечности, накрытые треснувшим камнем. К месту событий подтягивается народ. Все лысые, синие и редко целые — то уха нет, то пальцев, то еще чего не хватает. Некоторые и вовсе без головы. Подумав, решила пока не спускаться.

Эльф с наслаждением пьет мою кровь, присосавшись к пальцу.

Маленький, а такой прожорливый.

09:23

Меня нашел маг. И с воплем: «Какого хрена мой алтарь!..» — поскользнулся на осколках банки и рухнул в завалы книг. Пробираюсь к двери, вжимая голову в плечи, и даже и не думаю помочь. Тем более, судя по звукам, — жив.

Мне орут, что зарежут, как только догонят. Судорожно оглядываюсь по сторонам, ища выход.

Надо спрятаться. Некроманты люди суровые, сначала упокоят, потом успокоятся. А мне это на фиг не надо.

Эльф оторвался от пальца и влетел в какую-то комнату. Бегу следом, захлопнув за собой дверь. Сердце колотится где-то в горле, в глазах — шок и дикий ужас.

09:34

Некромант вынес дверь.

Лежу под кроватью, призывая знаками эльфа молчать. Тот ходит вокруг ночного горшка, с интересом к нему присматриваясь, игнорируя меня как личность. Гад.

Мимо прошагали обутые в дырявые носки страшно вонючие ноги. На правой ноге не было мизинца, левая сильно хромала. Надеюсь, это из-за меня.

— Выходи, хуже будет!

Угу. Лечу и падаю.

— Я знаю, что ты в шкафу. Ежели выйдешь — убью быстро и безболезненно. Даже воскрешать не стану.

По гроб жизни ему обязана.

— Ну же!

Заскрипели дверцы шкафа. Меня, понятно, там нет.

Рядом послышался тихий звон. Повернув голову, наблюдаю, как эльф тыкает иголкой в горшок, подняв крылья и тихо шипя.

Чего он к нему привязался? Горшок как горшок. Четыре ножки, черный и немного облупленный. Ну... ручка круглая.

Горшок звякнул еще раз и тихо передвинулся вправо. Вытаращив глаза, смотрю на него. Да нет, не может быть. Эльф просто сильно ткнул иголкой, вот он и...

— Ага!!!

Меня схватили за шкирку и рывком достали из-под кровати. Все, что успела сделать, — схватить тот самый горшок. Им мага и долбанула, приложив от всей души и с характерным звуком.

Маг взвыл и дернулся назад. Вырвавшись, улепетьваю из комнаты, сжимая в руке погнутое орудие... убийства, кажется.

10:41

Я на чердаке. Сиж у небольшого заколоченного окна и пытаюсь восстановить дыхание. Маг битый час гонялся за мной по всему дому. Я опрокинула на него стеллаж с книгами, еще раз врезала горшком и пару раз ударила ногой в то самое место. Последний раз, когда я его видела, мужик летел с лестницы, пересчитывая ступени и пытаясь уцепиться оставшейся рукой за перила.

Я не знаю, что со мной сделают, когда найдут. Но скорее сдохну, чем пойду это выяснять.

Эльф сидит на коленке и смотрит на прижатый к моей груди горшок. И шипит на него, щуря рубиновые глазки.

Смотрю на мелкую пакость и невольно люблюсь тонкой изящной фигуркой и вечно встрепанными, чем-то похожими на ирокез волосами. Ну хоть не одна здесь. Это важно. Одна бы давно сошла с ума.

11:21

— Ведьма! Выходи!

Просыпаюсь рывком, едва не завалившись набок. Коленку больно царапнули, недовольно перелезая на макушку.

— Да не трону я тебя! Все нормально! Я решил тебя простить!

Ори не ори, мне все равно.

— Кушать хочешь? Я котлеты пожарю!

В животе противно заурчало, а ноги начали мелко подрагивать. И попить бы...

— Спускайся давай! Незачем прятаться! Я злой, но отходчивый!

Медленно встаю и неуверенно смотрю на дверь, перед которой высится целая баррикада из стола, дивана, пары кресел и тюков не пойми с чем.

— Жду на кухне!

Голос стих, послышался звук, словно кто-то, сильно подволакивая ногу, удаляется по коридору.

Вздыхаю и подхожу к окну. Нет. Я ему не верю. Лучше дождусь ночи и вылезу в окно... Предварительно выбив доски чем-нибудь тяжелым. Главное — все сделать тихо, как ветерок, хоть я и не вполне понимаю как.

12:07

Стою на пороге кухни и мрачно смотрю на некроманта. Тот сидит за столом и внимательно изучает зажатый в моей руке горшок.

— Помяла, — мрачно.

Киваю и угрожающе вскидываю его перед собой.

— Да ладно тебе. Садись. И поставь бяку, я его уже раза три использовал.

Фыркаю, вспоминая, где недавно бродила. Брезгливость — больше не про меня.

— Вот. Котлета. Как и обещал.

Смотрю на стол, принохиваясь и сглатывая слюни.

— А не отравишь? — тихо.

— Отравлю. Потом убью, повешу, сожгу и развею прах по ветру. Тебе легче?

Здрав нос, иду к столу, сажусь на стул и подвигаю к себе тарелку. Горшок поставила рядом, чтобы вовремя успеть схватить. Какой-то у него... ненормальный интерес к этому предмету.

— Ну и... как тебе тут?

Давлюсь котлеткой, пытаюсь вдохнуть. Мне налили бокал воды и вежливо пододвинули. Благодарно пью, одним глазом следя за горшком. Маг тоже не сводит с него взгляд.

— Что, — хрипло, пытаюсь выдавить смех, — в туалет хочешь?

Мужик фыркнул и перевел взгляд на меня.

— Даже ведьмы мне достаются ненормальные.

— Зато живучие, — гордо.

— Как тараканы. — Кивок.

Помолчали, продолжаю есть, стараясь запихнуть в рот побольше и наесться с запасом.

— Отдай горшок и иди себе куда хочешь. Вот честно.

Поддвигаю к себе реликвию.

— Ни за что! — мрачно.

— Так. А чего ты хочешь?

Думаю, стараясь не смотреть в его глаза. Мало ли — загнипнотизирует.

— Работу! Хочу работу. Это ведь не Москва, да?

— Да. Это Златоуст.

— Как я и думала. Короче, даешь работу — возвращаю ночную вазу. И зарплату хочу! А еще еду и питье.

Маг привстал. Вскაკиваю, сжимая металлическую ручку и расширив глаза.

— Да сиди ты. Я мантию поправить... Впивается, зараза.

Мантию поправили и снова сели. Тоже осторожно сажусь обратно.

— Понимаешь, не могу. Мне проще подсыпать тебе яду или зарезать во сне. Здесь, в Златоусте, живых нет.

Горшок неожиданно отодвинулся вбок и вновь застыл, словно ничего и не было. Молча на него смотрим.

— Он что, живой? — хриплю я, старясь не рассмеяться. Впечатлений море!

— Нет.

— А.

— Не совсем. Дай сюда.

Предмет быта отобрали, прижали к груди и крайне злобно на меня уставились.

— Так. А теперь вали отсюда, пока я добрый. Ай!

Горшок затрещал, заискрился и задымился. Маг его не удержал и бросил обратно на стол. После чего железяка медленно и как-то рывками подползла обратно ко мне. Я даже жевать перестала.

— Мм... я ни при чем. — На всякий случай. Уж больно у мужика вид нервный.

— Так. Я передумал. Работаешь за еду и ночлег. Все. А ты... — В горшок ткнули пальцем, по которому тут же ударила молния.

— Уй!

— ...ты еще помотришь, каково тебе будет без меня!

И маг, развернувшись, вылетел из кухни. Ошалело смотрю ему вслед, пытаюсь выгнать из головы образ скучающего по «ласке» хозяина ночного горшка.

15:56

Знаете, бывают в жизни ситуации, когда хочется отказаться делать что бы то ни было, а вместо этого лечь и умереть. И чтобы закопали под покосившимся крестиком у пруда. И ива качала бы листьями на ветру, оплакивая вашу жуткую участь. Мимо будут бегать зайцы, летать коршуны. Пара лягушек каждую ночь будет петь серенады, услаждая ваш слух. И звезды яркими хрусталиками украсят небо, сверкая и переливаясь в черноте. Может, даже мимо принц проедет в кои-то веки. Или даже два. Но поздно! Ни одному принцу не придет в голову выкапывать полусгнивший труп и целовать уста... если он их там отыщет. Н-да, такое в голову придет разве что злостному некрофилу с замашками садомазо.

Ну, короче, вы поняли. Сдаться можно всегда, а вот бонус

за это будет вряд ли. Так что, посидев на чердаке, поплакав в платочек и старательно в него высморкавшись, я поняла, что унывать мне рановато. Да, другой мир, да, некромант, и по двору ходят зомби. Ну и что? Зато я изменила свою жизнь и морально готова к самому худшему.

Ай!

Эльфенок снова сидит на руке и радостно пьет кровь, зараза мелкая.

— Ты хоть говорить умеешь? Эй!

Алые глазки задумчиво сверкнули, меня укусили сильнее. Пытаюсь сообразить, сколько крови в сутки ему в среднем надо. Выходит, что много. Я столько не потяну.

— А давай тебя на диету посадим, а?

— Нет.

Мгм. Все-таки говорящий? И голосок такой писклявый. Как у комара.

— Ммм. Давай еще раз. Я — Сиггун.

От руки оторвались, перелетели на ближайший мешок и крайне недовольно на меня взглянули.

— Я знаю.

— Да? А, ну да. Ну и... давай говори свое имя, что ли.

Эльф не знает, как его зовут, — маленький еще. Также он очень крут и просит платить ему золотом за охрану. Из умений: он может травмировать психику взглядом, кусать противника по ночам, устраивать мелкие пакости и проклинать. Все это было сказано со значительным видом, пока эльф выхаживал по мешку вперед-назад, выпятив грудь и хлюпая носом.

— То есть ты ничего не умеешь, кроме как кусаться?

Меня укусили, страшно обидевшись. Я поняла, что на диету эту заразу все-таки посажу. А вообще молодой он еще: два дня от роду. Не стоит требовать от малыша слишком многого. Авошь со временем сможет и чего наколдовать.

— Ведьма!

Вопль мага заставил подпрыгнуть и схватить лежавший рядом горшок. Как он здесь оказался — понятия не имею. Поднималась я на чердак вроде бы без него.

Ступени жалобно заскрипели, а еще через минуту в комнату вошел некромант. Оглядевшись и крикнув, он подошел

к окну и рывком выдрал огромную доску, сразив меня наповал. Да-а... хорошо, что я с ним в рукопашной не сцепилась, а то сейчас бы лежала с множественными переломами и перспективой смерти от инфаркта.

— Я так понял, тебе чердак больше всего нравится.

Хрясь! Вторая доска отлетела от рамы. Неуверенно киваю.

— Вот и замечательно. У меня все комнаты в доме заняты. Оборудование в них. — Хрясь. — Так что жить будешь здесь. Где горшок?

— А?

Но некромант уже сам нашел его взглядом, чему-то кивнул и рывком отодрал третью доску. И последнюю. В окно хлынул солнечный свет.

— Значит, так. Задание на сегодня, завтра и ближайшую седмицу: все убрать, привести замок в порядок. Три раза в день варить мне омолаживающее зелье и... Хватит с тебя пока. — На покосившуюся тумбочку бросили пыльный, местами оборванный фолиант. — Рецепт зелья здесь. Ты — ведьма, значит, разберешься. Еду возят из города раз в неделю. Договоришься о ее приеме с посыльным. Вода в колодце. Так... вроде все. А, нет. И никогда не трогай мои реактивы! Не беспокой меня во время работы! Не появляйся передо мной, если я не в духе и... И массаж! Каждый вечер массаж пяток! Все!

Рывкнувший ценные указания маг развернулся и стремительно вышел в дверной проем.

— Массаж пяток? — ошарашенно.

На лестнице раздался стук, вопль и грохот падающего тела. Выходить я не рискнула. Судя по ругани, некромант уцелел.

Рядом хихикал эльф.

— Чего смеешься?

— Тили-тили-тесто. Жених и невеста! — пискнул мелкий.

Я опять чего-то недопоняла?

— Ты это к чему? Он меня на дух не переносит.

Мелкий перелетел на подоконник и показал мне язык. После чего вылетел в окно и пропал.

18:20

Изучаю «замок» некроманта. Три этажа, две башенки плюс чердак. Вокруг — двор и довольно высокая каменная

стена по периметру. Само строение внешне каменное, изнутри деревянное. Странно, сгорит ведь при первом же пожаре подчистую.

По двору, кстати, ходят мертвецы. В прямом смысле — синие, с отваливающимися деталями, заторможенные и злые. На меня реагируют плохо: пытаются укусить. Удирала во все лопатки, едва успев закрыться в доме. Как я воду из колодца буду носить — не представляю.

Дальше о самом замке. Хотя, по мне, не замок, а просто очень большой загородный дом. Ну или строение, такое грязное, вонючее и захламненное дальше некуда. В каждой комнате бардак такой, что, уже открыв дверь, зачастую попадаю под завалы. Навалено причем все вперемешку — обломки мебели, осколки колб, покосившиеся шкафы, подушки, огрызки, дохлые мыши. И все опутывает паутина. Нос опух и перестал воспринимать какие-либо запахи вообще. На лестнице чуть не навернулась, поскользнувшись на коже какого-то фрукта. Впрочем, она была здесь не одна, так что пройти по ступеням и ни во что не вляпаться было практически нереально. Неудивительно, что некромант с нее постоянно летает.

Сейчас стою на кухне, изучаю содержимое шкафов и грущу. Это ж надо. Банки с пауками, солонка с личинками, рыбы глаза, кишечник жабы, икра птеродактиля. И среди всего этого, словно в насмешку, полголовки позеленевшего от соседства с такими ужасами сыра да маленький кусочек черного хлеба.

Но ведь он только недавно меня кормил вполне приличными котлетами. Ммм... а где картошка?

18:41

Влетаю в правую башню, взбираюсь по винтовой лестнице и с размаху врезаю ногой в дверь. За дверью — грохот, вспышки света, крики мага. Еще разок врезала от души, отбив пятку.

— Кто там?!

— Я!

— У меня работа, уходи!

Упорно ломаю дверь, нервничая все сильнее. В голове крутятся всякие ужасы, вроде того, что котлеты эта зараза наколдовала из щупалец осьминога или запчастей мертвяков, а картошку сделала из личинок червей. Меня сейчас стошнит...

Дверь загромычала и медленно упала внутрь от очередного удара. Молча изучаю комнату, в которой стоит маг, склонившись над столом с реактивами, и громко что-то бормочет.

На меня не смотрели — были заняты.

— Из чего была картошка?!!

Маг отмахнулся, возвел глаза к небу, что-то тоненько провыл и хищно приник к ближайшей колбе. Вхожу, кашляя от дыма и запахов. Тоже склоняюсь к колбе.

— Не дыши! — грозно.

— А что это?

Внутри что-то клубится, вспыхивает и тут же гаснет разноцветными искрами.

— Эликсир жизни. В него надо добавить сердце девственницы и выпить на закате.

— Мгм?

— И я оживу, — напряженно.

— А-а.

— Дева должна быть ведьмой.

— О.

— А ты, зараза, не дева.

Из колбы начинает что-то лезть, цепляясь тонкими длинными щупальцами за края. Ни хрена себе.

— Так... и должно быть?

— Не уверен.

— А где дева? Потом поймаем?

— Поймал уже, — напряженно. — На подоконнике лежит.

Кошусь на подоконник, изучая невменяемые глаза посаженной в банку лягушки.

— Ты превратил ведьму в лягушку?!

— Дура, да?

— Нет.

— Да.

— Нет!

— Заткнись. Лови!!!

Черная склизкая гадость рванула вверх, прорвалась наружу и шмякнулась на стол, шустро отползая вбок. Некромант пытался ее схватить, но одной рукой сделать это было крайне проблематично.

— Да лови ты! Чего встала?!

Кивнув, падаю на столешницу, сбив пару колб, но успев ухватить червяка за хвост. Ощущение извивающегося холодного тельца в руках дарило незабываемые ощущения.

— Только попробуй отпустить! — суетился некромант, прыгая вокруг. — Только попробуй! Я его пять лет выращивал. К жабе! Неси его к жабе! Живо!

Скуля от отвращения, иду к подоконнику. «Это» дергается все сильнее и сильнее. С рук капает слизь. Еще немного — и либо я его раздавлю, либо он выскочит.

— Так. Сюда! Давай.

К рукам подставили банку с жабой. Земноводное сидит у стенки, выпученными глазами изучая нового соседа. Сосед вырывается и лезть отказывается. Маг держит банку и ничем помочь не может, зато орет так, что уже я начинаю орать в ответ.

— Да пихай ты его!

— Он не лезет!

— Дави, дави!

— Скользкий!

— Это ты безрукая! Вот ведь связался с ведьмой-недоучкой. Ежели не запихнешь — сделаю девой и зарезу на месте!

У меня заклинило воображение. Но тут глиста все-таки оказалась в банке, маг тут же ее захлопнул, едва не оттяпав мне полпальца, и радостно прижал к груди, жмурясь и улыбаясь как идиот.

— Да! Моя... моя прелесть.

Лягушка орала не своим голосом, отбиваясь от червяка, который и сам метался как угорелый, пытаясь вылезти. По-моему, квакуша его испугала.

— А сейчас он съест ее сердце, и я... А чего он не ест?

Червь повис на крышке и слезать отказывался. Лягушка валялась в глубоком обмороке.

— Слазь, кому говорю!

Хмыкнув, стучу ногтем по банке.

— А ну убери руки. Разобьешь еще. Что делать тогда будем?

— Не знаю. — Пожав плечами, отхожу на шаг.

— Так. Ладно. Проголодается — съест. А пока...

Оглядевшись, маг посмотрел на выбитую дверь, на меня, снова на дверь.

— Чего заходила-то?

— Картошка. — Пытаюсь отвлечься от банки и вспомнить, зачем пришла. — Из чего ты сделал картошку? Из червей?

— Нет. Из картошки. — Маг вздохнул и пошел к столу. — Превращать что-то во что-то очень сложно и отнимает много сил. Ради тебя я бы так стараться не стал.

— Да? — немного успокаиваясь и приходя в себя. — А мясо чье?

— Не человечесь, успокойся. Кабан какой-то во двор забежал, вот мои ребятки его и забили. Ну часть сожрали, а то, что осталось, я тебе и поджарил.

Мне плохо... Я доедала за зомби?! О, жуть-то какая!

— Ты чего? Эй.

Но я уже сбежала, держась одной рукой за стену, второй — за живот.

22:15

Поджарила яичницу. Яйца я долго и пристально рассматривала, проверяя на цвет, запах и консистенцию. Вроде ничего, есть можно. На запах яичницы зашел маг, грустно постоял над сковородкой и вышел. Меня на миг обуяла жалость, и я предложила половину яичницы. Некромант меня послал и, хромя, удалился в лабораторию. Станный он какой-то. Зомби вон вроде бы едят (кабанов, к примеру). А этот только ходит да страдает.

23:14

Убираю чердак. Уборка у меня несложная и интересная: все, что мне не понадобится, выбрасываю из окна. Внизу во дворе собрались зомбики, провожающие взглядом каждую вылетевшую вещь, явно ждут, когда вылечу я. Голодные они вечно, вот и стонут под окном. И накормить-то нечем. Яйца тоже были последние.

— Ты чего творишь?!

О. Нарисовался, стоит, красавчик, в дверях, трясущийся от возмущения и с банкой в руках. В банке сидит лягушка и умирает в объятиях черной пиявки. Дышит ровно, иногда поглаживает лапкой скользящего по ней червя. Я, конечно, не специалист, но, судя по всему, квакуша не очень-то и страдает.

— Убираюсь.

— Это... это бабушкин сундук!

Сундук как раз вылетел в окно, бодро маша крышкой.

— Он развалился еще в прошлом веке.

— Не ври! — Некромант нервно огляделся и возмущенно насупился. — Где бутылки? В углу стояли, точно помню!

— С червями? Я эту мерзость выбросила первой.

Он аж пошатнулся, потом прислонился к косяку, глядя на меня с таким непередаваемым ужасом, словно был Кошеем Бессмертным, у которого в ходе уборки выбросили яйцо, иглу и прочие ненужные атрибуты. Кошей понял, что найдет их теперь вряд ли. А еще, что ежели на все это наступят...

— Я неделю вылавливал их в болотах эльфийских лесов! Лазал по канавам! Ловил на... на себя ловил! Ты хоть представляешь, сколько я... Только не тумбочку, стой!!!

Мужик успел схватить тумбу в последний момент, уронив банку на пол. Заволок мебель обратно, схватил треснувшую банку, зарычал.

Стою рядом, не мешаю беситься.

— Слушай, я, конечно, понимаю, что у тебя тут собрана обширная коллекция всякой фигни, которая необходима и важна для будущих заклинаний. Но... не мог бы ты сам тогда все вынести, пока это не сделала я?

Вроде мягко сказала. Надеюсь.

— Ты чуть не выбросили бабушкины кости! Скотина!

— Ась?

С ужасом смотрю на тумбочку. Он сохранил скелет бабули?

— Кости ведьмы сотого поколения бесценны! А ты... Всё, мое терпение лопнуло!

На всякий случай отхожу, поднимая руки перед собой.

— Да ладно, ну с кем не бывает. Ну выбросила не то, ну сделала не так. Так ты ж сам...

Некромант, сверкнув глазами, выбросил руку вперед и что-то пролаял на непонятном языке. Зажмурившись, жду наказания, испугавшись до одури. Зря я с ним так. Но у меня тоже нервы, стресс. А когда у женщины стресс — она всех на уши поставит. Неужели он этого не понимает?

— Вот в таком виде и ходи, — с чувством глубокого удовлетворения изрек маг.

Кряхтя, мужик встал, звякнул банкой и вышел, хмыкнув напоследок.

Осторожно открываю глаза — смотреть на себя совершенно не хочется. А вдруг я стала жабой? Или пауком?.. Мамочка!

Не, не жаба. Но этот некромант — извращенец.

Стою перед зеркалом и разглядываю длинные изогнутые рога, украшающие ноги копытца и черный гибкий хвост, покрытый чешуей. Что примечательно — на конце сердечко. Прелесть какая. А еще я не могу говорить. Вообще! Все, что вылетает из горла, одно сплошное: «Бе-э-э...» Ну зараза. Ты у меня попляшешь. Я тебе такое устрою — на всю свою вечность запомнишь ведьму Сиггун. Где тут валялась книга заклинаний?

Четверник

02:34

Спать хочется... Луна так умиротворяюще светит, волки воют где-то в лесу, ветер скрипит ставнями.

Сижу на полупустом чердаке и изучаю книгу заклинаний. Все, что не выбросила, — это кровать, стол у окна, покосившаяся табуретка, подсвечник и шкаф, который я хоть и с трудом, но поставила на ножки.

Вокруг меня разные колбочки, баночки, пять огарков свечей. Читать при свечах — занятие то еще, но эти горят ярко, и шрифт вполне себе различим.

Посмотрим...

Вот это, кажется, то, что мне нужно. Вожу когтистым пальцем по прыгающим строчкам. Кажется, их писали кровью. А может, и нет.

В окно залетел эльф, сгибаясь под тяжестью небольшого мешочка. Мешочек спрятал под кровать, после чего подошел ко мне и внимательно осмотрел.

— Крови дай.

Нервно кошусь на мелкого вампиреныша.

— Бе-э.

— Это «да»?

Он меня укусил. Сжимаю зубы, но терплю. Укусил, кстати, за шею. Сказал, что там кровь вкуснее. Ну-ну.

Та-ак... «заклятие обволосения». Или все-таки поноса? Есть еще стишок, который, судя по картинкам, должен превратить мертвеца в девушку — юную и прекрасную, как майская роза. Представляю некроманта, утром обнаружившего наличие груди и роскошной блондинистой шевелюры. Не, он меня потом точно в лягушку превратит. И сварит. Надо что-то попроще, и чтобы на меня не подумали.

04:34

Только что сообразила — выговорить заклинание не смогу. Мое «Бе-э» ничем помочь не может. Обиженно листаю книгу дальше, поглядывая на колбы и мешочки. Все подписаны. Авось из этого можно что-нибудь сделать.

05:14

Прокравшись в спальню мага, вылила ему в стакан с челюстями две ложки зелья. Рецепт чего-нибудь страшного я так и не нашла. Да и спать охота. Так что смешала все, что было, в разных пропорциях. Ну а что? Помереть уже не сможет — и так труп. Пусть хоть изжогой помучается, что ли.

На секунду залюбовалась спящим «трупом». В принципе... если не обращать внимания на цвет кожи, сальные волосы и лицо, в целом — сложен он был неплохо. И мышцы есть... местами. Худоват только, откормить бы. Уж не знаю чем.

Снова кошусь на стакан с челюстями. А может... ладно? Ну не убил же он меня. Потом небось расколдует. Наверняка.

Вылила зелье из стакана, ополоснула челюсти в стоящем в углу ведре (налив воды из него же), и вернула все на место. Со спокойной совестью ушла, тихо цокая копытцами по деревянному полу.

09:57

Рев мага заставил нас с эльфом вскочить ни свет ни заря и метнуться к окну. Я при этом запуталась в одеяле и рухнула на полпути. Эльф — выпорхнул, вереща от ужаса.

10:12

На пороге стоит... «оно»! Высокое, страшное, волосатое... Там одни волосы, если честно. Нет ни кусочка, который ими

бы не зарос. Из зарослей блестят знакомые глаза, руки сжимают стакан с челюстями.

— Ы!

— Бе-э.

Стараюсь улыбнуться. Существо посмотрело на стакан, вытащило челюсти и вставило в рот.

— Ты!

Молчу, выпутывая правое копыто из одеяла и старательно внимая.

— Ты что мне налила?!!

И не надо так орать.

— Бе-э-э.

— И хватит бляеть!

— Бе-э!

— Из ведра небось? Там стоял концентрат для роста волос! Ты сколько капель в стакан добавила?!

— Бе-э-э-э!!!

— Я... ты... да перестань бляеть, в конце концов!

Щелчок пальцами, какое-то слово, отползаю в угол, зажмурившись.

— А ну отвечай, зараза!

Меня схватили за шкурку и поволокли из комнаты. Пытаюсь встать хотя бы на четвереньки, ужасаясь его силе. Он так и грузовик бы, как пушинку, утащил. Ничего себе сила.

— Так! Вот ведро. Сколько налила?

— Я не наливала!

— А кто?!

Тычу пальцем в парящего за окном эльфа. Некромант злобно на него оглянулся. Глаза эльфа стали с пять копеек.

— Точно?

— Да! — глотая слезы и пытаюсь вывернуться.

Эльф куда-то рванул.

— Ну, кровный. Ну, погоди!

Меня отпустили и рванули к окну. Рухнув на пол, отбила локоть... Кое-как поднялась на ноги.

10:41

Маг открыл окно, стреляет в эльфа молниями. Тот уворачивается, пытаюсь куда-нибудь спрятаться. Соображаю, как помочь мелкому.

10:43

Вылила на злобствующего некроманта все ведро концентрата. Руки тут же стали пушистыми в тех местах, где плеснула жидкость на себя.

Маг закричал страшным голосом, и... я выбежала из комнаты.

10:45

Эльф кусает за ухо, поясняя, кто я есть. Слежу за тем, как некромант в страшных муках превращается в один сплошной пук волос, заполнивших уже всю комнату. Орет как резаный, пытается найти меня на ощупь. Падает постоянно.

11:23

Выдохся. Дополз до стены — сидит, скулит.

Осторожно захожу и уверяю, что все будет хорошо. Меня далеко послали и велели принести нож.

— Для убийства?

— Для стрижки. И если через час я не буду таким же, как вчера... — Мрачное молчание еще более мрачного некроманта.

Киваю и ухожу.

Где-то у меня в сумке бритва была... подарю. Авось отойдет.